

УЙДА
НЕЛЛО
И
ПАТРАШ
СТЕПЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

У Й Д А
НЕЛЛО
и
ПАТРАШ
СТЕПЬ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1978

Нелло и Патраш

I

Нелло и Патраш остались одни на белом свете. Их связывала крепкая дружба. Нелло — маленький мальчик, Патраш — большой фламандский пёс. Они однолетки, хотя Нелло совсем юн, а Патраш стар.

Почти всю свою жизнь они прожили вместе. Оба были обездоленные сироты, и обоих приютил один и тот же человек. Они сразу понравились друг другу, а потом стали неразлучны.

Жили они в крохотной хижине за околицей фламандской деревушки, неподалёку от города Антверпена. Кругом раскинулись поля и луга, прорезанные широким каналом, по берегам канала росли ивы и тополя. В деревне было всего лишь десятка два домиков с ярко-зелёными или небесно-голубыми ставнями, красными или чёрными черепичными крышами и стенами такими белыми, что на солнце они искрились, как снег. Посреди деревни, на поросшем мохом пригорке, возвышалась мельница. Очень давно, полвека, а может больше, тому назад, когда на ней мололи пшеницу для солдат наполеоновской армии, мельница и крылья были выкрашены в красный цвет. Но от времени и непогоды краска выцвела, и мельница стала бурой. Её крылья вертелись рывками, словно спотыкались от дряхлости и ревматической боли в суставах, однако она исправно обслуживала всю округу. Утром, в полдень и вечером раздавался заунывный звон единственного колокола маленькой серой церкви с коническим шпилем, стоявшей против мельницы.

Нелло и Патраш жили в лачуге на краю деревушки. Дальше, как безмятежное море, тянулись цветущие луга и колосистая пшеница, за ними высился шпиль Антверпенского собора.

Хозяином этой лачуги был очень старый и очень бедный человек по имени Жан Даас. Когда-то он был солдатом, и ему крепко запомнились войны, растоптавшие страну, как волю, выпущенные на вспаханное поле. Сам он не получил от военной службы ничего, кроме ранения, которое сделало его калекой.

Когда Даасу стукнуло восемьдесят лет, умерла его единственная дочь, жившая в Арденнах¹, и оставила на его попечение своего двухлетнего сына. Старик едва сводил концы с концами, но он безропотно принял это новое бремя. А вскоре Нелло стал для него радостью и утешением, и дедушка с внуком жили в своей убогой лачуге в мире и согласии.

Это и в самом деле была жалкая глиняная мазанка, но чистенькая и белая, как морская раковина. Стояла она в крошечном огорожке, где росли бобы, капуста и тыквы. Жан Даас и Нелло были очень бедны. Не раз ложились они спать не поужинав, никогда не ели досыта. Но старик нежно любил внука, а Нелло рос ласковым и послушным ребенком. Они довольствовались тем, что имели, и желали только одного: никогда не разлучаться с Патрашем. Как могли бы они обойтись без Патраша? Он был их кормилец, единственный друг и товарищ. Если бы Патраш убежал от них или околел, умерли бы, наверное, и они. Ведь Жан Даас был старик и калека, а Нелло — беспомощное дитя.

Фламандский пёс Патраш был рыжей масти, с большой головой и торчащими, как у волка, ушами, с мускулистым туловищем и крепкими ногами. Он был из породы собак, которые из поколения в поколение верно служили людям. Они надрывались в упряжи, везя за собой тяжёлую тележку, и умирали от истощения на мостовой. Такова была судьба родителей Патраша, такая участь ждала и его. Ещё бы! В христианской стране бедный человек не вызывает жалости, а Патраш был всего лишь собакой.

Ещё щенком он узнал, как тяжела тележка, как болят ссадины от упряжки. Ему не было года, когда его продали торговцу посудой, который бродил по стране от синего моря до зелёных гор. Продали его дёшево, потому что он был ещё мал.

Торговец был жестокий человек и горький пьяница. Он нагружал тележку горшками и кастрюлями, вёдрами и кувшинами, всякой фаянсовой, медной и оловянной посудой — пусть Патраш тащит, выбиваясь из сил. Сам он шёл рядом вразвалку, покуривал трубку и не пропускал ни одного придорожного трактира.

¹ Арденны — невысокий горный хребет в юго-восточной Бельгии, Люксембурге и смежных районах Франции.

К счастью или несчастью для себя, Патраш был силён и вынослив. Он не погиб, хотя жизнь его была очень трудной: возил тяжёлый груз, терпел голод и жажду и бока его были исполосованы бичом.

Прошло два года. Однажды Патраш, как всегда, тащил свою тележку, доверху нагружённую металлической и глиняной посудой, по прямой пыльной дороге, ведущей к Антверпену, к городу Рубенса². Лето было в разгаре, стояла сильная жара. Хозяин, по обыкновению, лениво брёл рядом, напоминая о себе щёлканьем бича, который то и дело взвизгивал над вздрагивающими боками Патраша. В каждом придорожном трактире хозяин пил пиво, а собаке не позволял ни на минуту остановиться, чтобы напиться воды из канавы. Патраш шёл под жгучими лучами солнца по раскалённой от зноя дороге. Он целые сутки ничего не ел и, что ещё хуже, вот уже двенадцать часов не проглотил ни капли воды. Он почти ослеп от пыли, раны его болели, тяжесть груза оттягивала плечи. Патраш внезапно пошатнулся, на губах выступила пена, и он упал.

Он упал посреди дороги, на самом солнцепёке, и лежал неподвижно, как мёртвый. Хозяин дал ему единственное лекарство, к которому прибегал во всех случаях жизни, — угостил руганью, пинками и ударами крепкой дубинки. Но ничто не подействовало: Патраш лежал в белой пыли, не шевелясь, по-видимому мёртвый. Убедившись, что бесполезно хлестать и ругать его — подох, наверно, или подыхает, — хозяин снял с Патраша сбрую и спихнул его с дороги в канаву. Бросив издыхающую собаку на съедение муравьям и воронам, хозяин, охая и причитая, сам потащил тележку в гору. Это было накануне ярмарки в Лувене, и он спешил, чтобы занять со своими товарами получше место на площади.

Его душила злоба, потому что Патраш был очень силён и вынослив, а теперь ему самому приходится всю дорогу тащить тележку, но он и не подумал о том, чтобы позаботиться о собаке. Зачем ему подышающее животное? Он заменит Патраша, украв первую отбившуюся от хозяина собаку, которая встретится ему на дороге,

И Патраш остался лежать в поросшей травой канаве. В тот день на дороге было большое оживление. Сотни людей пешком или на мулах, в повозках или на телегах торопились на ярмарку в Лувен. Одни не замечали Патраша, другие видели его, но проходили мимо. Больше одной собакой или меньше — подумаешь, какая беда!

² **Рубенс Питер Пауль** (1577 — 1640) — знаменитый фламандский художник, уроженец город Антверпена (фламандцы жили преимущественно в Бельгии, на юге Голландии и в Северной Франции).

Спустя некоторое время среди праздничной толпы показался сгорбленный, хромой, дряхлый старичок. Одет он был очень бедно и еле плёлся по пыльной дороге. Он увидел Патраша, с удивлением остановился, потом полез в канаву, опустился на колени в густой траве и долго смотрел на животное добрыми, жалостливыми глазами. Рядом с ним по пояс в траве стоял светловолосый, черноглазый мальчуган лет трёх, с серьёзным видом уставившийся на большую собаку, лежавшую неподвижно.

Так встретились впервые маленький Нелло и большой Патраш.

Старый Жан Даас с большим трудом перетащил собаку в свой домишко близ дороги. Патраш изнемог от жажды и истощения, он упал от солнечного удара. Много недель пролежал он в лачуге больной, слабый, полумёртвый. На него не кричали, его не били. Он слышал только нежный детский лепет и ощущал ласковое прикосновение старческой руки.

Оба они, одинокий старик и маленький беззаботный ребёнок, ухаживали за Патрашем. Ему отвели угол в лачуге и постелили свежее сено. По ночам они прислушивались, дышит ли он, жив ли. А когда Патраш в первый раз хрипло залаял, они громко засмеялись и чуть не заплакали от радости — теперь он, конечно, выздоравливает. Маленький Нелло пришёл в такой восторг, что надел ему на шею венки из ромашек.

Когда Патраш поправился и снова стал крепким и сильным, его большие тёмные глаза выражали удивление: никто не ругает его, никто не подгоняет побоями. Благодарная собака навеки привязалась к своим друзьям и любовно следила за каждым их движением.

Ежедневно старый солдат Жан Даас возил в Антверпен на маленькой тележке бидоны с молоком — молоко ему поручали продавать соседи, которым посчастливилось иметь коров. Их устраивало, что они могли отправлять свое молоко в город с таким честным человеком. Оставаясь дома, они ухаживали за своими садиками, коровами, курами или работали на своих небольших полях. Но старику такая обязанность была не под силу. Ему уже стукнуло восемьдесят три года, а до Антверпена было добрых пять километров.

Однажды Патраш, совсем поправившийся, лежал на солнышке с венком из ромашек на шее и следил за стариком, который потащил тележку. На следующее утро, прежде чем Жан Даас успел взяться за оглобли, Патраш поднялся и стал между оглоблями тележки, показывая, что он собирается её везти. Так как никакой упряжки не было, он даже попытался тащить тележку зубами. Старик хотел его увести, но Патраш заупрямился. Даасу пришлось уступить. Он смастерил сбрую, и с тех пор каждое утро тележку везла в город собака.

Настала зима, и Жан Даас не мог нарадоваться, что судьба послала ему Патраша. Он был уже очень стар и стал таким дряхлым, что ни за что не смог бы возить тележку с бидонами по снежным сугробам или по глубоким колеям в грязи. А Патраш тащил её как ни в чём не бывало. После тех непосильных грузов, которые его заставлял возить прежний хозяин, подгоняя на каждом шагу бичом, маленькая светло-зелёная тележка с блестящими медными бидонами казалась ему игрушкой. К тому же рядом шёл добрый старик, который ободрял его, нежно поглаживая, не скупясь на ласковые слова. А часам к трём или четырём он кончал работу и мог делать, что ему вздумается: кувыраться с маленьким мальчиком или играть с другими собаками. Патраш чувствовал себя счастливым.

Прошло ещё два года. Старого калеку Дааса так скрутил ревматизм, что он уже не мог поспевать за тележкой. Теперь вместо него молоко продавал пятилетний Нелло. Он много раз провожал дедушку и хорошо знал город.

Нелло был красивый мальчик с большими карими серьезными глазами, ярким румянцем на щеках и спускавшимися до плеч русыми кудрями. Не раз какой-нибудь художник зарисовывал зелёную тележку с медными бидонами, большую рыжую собаку с бубенчиками на сбруе, весело звеневшими, когда Патраш проходил мимо, и, конечно, зарисовывал Нелло, мальчугана в огромных башмаках на босу ногу, напоминавшего белокурых детей с картин Рубенса.

Нелло и Патраш так ловко и весело справлялись с работой, что даже летом, когда Даас чувствовал себя лучше, ему незачем было сопровождать тележку. Он сидел у порога и провожал их взглядом, пока они не исчезали из виду. Потом он грелся на солнышке, думал о чём-нибудь или дремал. Но как только часы на башне били три, он просыпался и ждал возвращения своего маленького внука и собаки. Патраш с радостным лаем освобождался от сбруи, а Нелло деловито рассказывал дедушке, как прошёл день. Потом они обедали — ели ржаной хлеб с молоком или похлёбку. Тени на большой равнине постепенно удлинялись, и стрельчатую башню собора окутывали сумерки. Тогда все трое засыпали мирным сном.

II

Да, летом им жилось очень хорошо. Фландрия не отличается красотой, особенно вблизи города Рубенса. Поля и луга следуют одно за другим на ровной местности, и однообразие ландшафта лишь изредка нарушает серый шпиль церкви или одинокая фигура человека, шагающего по полю со снопами или вязанкой хвороста на спине. Но земля здесь очень плодородная, и её обширные горизонты не лишены своеобразной прелести. В прибрежном камыше растут лилии, тополя тянутся ввысь, а по каналу, отсвечивая на солнце, плывут большие баржи с развевающимися разноцветными флагами.

Окончив работу, Нелло и Патраш бродили по широкой зелёной равнине, а чаще всего, зарывшись в густой траве на берегу канала, смотрели, как проходят мимо неуклюжие суда, приносящие с собой солёный запах моря, который смешивался с ароматами деревенского лета.

Зимой бывало куда хуже. Друзьям приходилось вставать затемно, в лютый холод, и порой им нечего было есть. В их лачуге, летом такой уютной и со всех сторон увитой диким виноградом, в зимние ночи было не теплее, чем в шалаше, а иногда в их лачугу протекала вода и потом замерзала. Ветер пробивался в щели ветхих стен, дикий виноград терял свои листья, голые поля кругом мрачно чернели. Да, зимой приходилось трудно. От холода у мальчика коченели руки и ноги, а неутомимый Патраш ранил себе лапы на обледенелых кочках.

Но даже в зимнюю пору они не унывали. Обутый в деревянные башмаки мальчик и собака уверенно шагали по мёрзлым полям под звон бубенчиков на сбруе Патраша. Иногда на улицах Антверпена какая-нибудь женщина выносила им миску похлёбки или ломоть хлеба, а сердобольный торговец бросал несколько поленьев в маленькую тележку, возвращающуюся домой. Случалось, что какая-нибудь хозяйка из их деревушки позволяла им оставить себе немного молока, которое они везли на продажу, и тогда они бодро бежали ранним утром по запорошённой снегом дороге, а домой возвращались веселые и счастливые.

В конце концов, им жилось не так уж плохо. А Патраш, встречая на дороге и на улицах города других собак, которые без отдыха трудятся с раннего утра до глубокой ночи и получают в награду пинки да ругань, считал себя счастливейшим на свете.

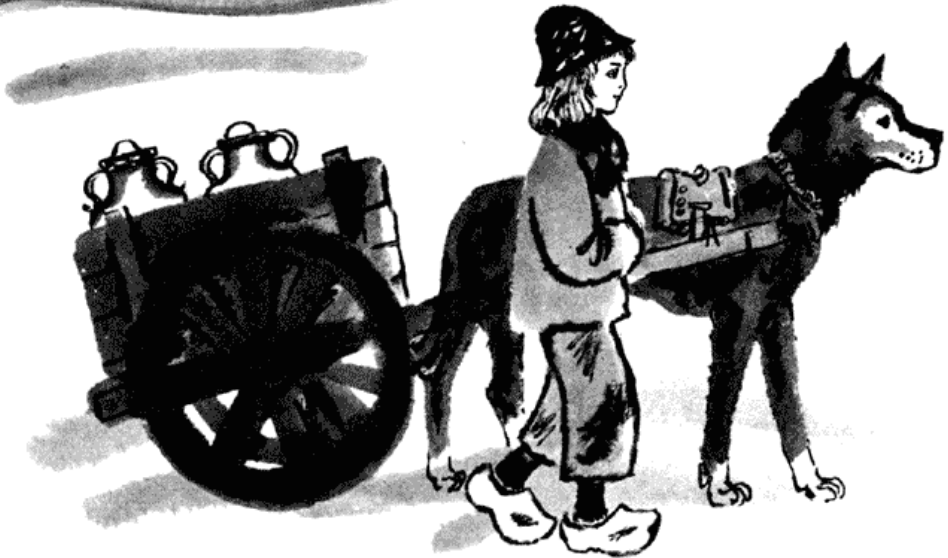
Впрочем, у Патраша была одна забота. И вот какая.

Приморский город Антверпен, с его торговыми пристанями, грязными, извилистыми улочками, шумной базарной площадью, старинными каменными домами в тесных двориках, известен всему миру. В этом городе родился и творил Рубенс. Здесь, в знаменитом соборе Св. Якова, находится мраморная гробница, где он похоронен.

Так вот, Патрашу не нравилось, что в этот величественный собор, серой громадой возвышавшийся над крышами городских зданий, зачастил Нелло. Он исчезал под темными сводами, а Патраш оставался на мостовой, недоумевая, что же это разлучает его с любимым товарищем. Иногда он пытался взобраться по ступеням, громыхая тележкой с бидонами, но высокий человек в чёрной одежде и с ключами на серебряной цепи всякий раз прогонял его. И Патрашу приходилось ждать Нелло у входа. Особенно беспокоил Патраша странный вид Нелло. Он выходил оттуда то с пылающим, то с очень бледным лицом. А возвратившись домой, долго сидел в раздумье, не хотел играть и, притихший, грустный, смотрел на вечернее небо.

Что бы это могло быть? Нехорошо, что мальчик такой грустный. И Патраш как мог старался удержать Нелло на озарённых солнцем полях или на людной базарной площади. Но Нелло всё-таки уходил в большой собор. Патраш, дожидаясь его, лежал на мостовой у железной решётки, вздыхал, по временам даже выл, но ничто не помогало. Мальчик не выходил из собора, пока не запирали дверь. Обняв Патраша за шею, он целовал его в широкий лоб и шептал всегда одни и те же слова:

— Если бы я только мог увидеть «их», Патраш! Если бы я мог «их» увидеть! «Что же это такое?» — недоумевал Патраш и смотрел на Нелло своими добрыми, умными глазами.

Однажды, когда сторож не стоял на обычном месте, и дверь была открыта, собака побежала вслед за своим другом в собор. «Они» были две большие картины на боковых стенах, задёрнутые покрывалами. Нелло, стоя на коленях, восторженно смотрел на «Благовещение» — третью, незавершенную картину Рубенса. Увидев Патраша, он поднялся и тихонько увёл собаку. Лицо его было мокрым от слёз. Проходя мимо завешенных картин, он шепнул:

— Как это горько, что «их» нельзя увидеть, Патраш! Нельзя только потому, что нечем заплатить! Когда художник писал эти картины, ему, наверное, и в голову не приходило, что их спрячут от бедняков. Он хотел, чтобы мы смотрели на них сколько вздумается, хоть каждый день, я уверен в этом, а люди спрятали их под покрывалами. Их не озаряет свет, и видят их только богачи, у которых есть чем заплатить. Если бы я мог их увидеть, я согласился бы умереть!

Но увидеть их он не мог, потому что заплатить серебряный франк за то, чтобы посмотреть на картины Рубенса «Воздвижение креста» и «Снятие со креста»³, было для него так же невозможно, как взобраться на шпиль собора. Он никогда не располагал более крупной монетой, чем су⁴, а этого едва хватало, чтобы купить немного крупы для похлёбки и несколько поленьев дров.

Мальчик страстно любил живопись. Нелло, простой деревенский мальчик, проходя рано утром по улицам города с огромной собакой, впряжённой в тележку, уносился мыслями к великому Рубенсу. Голодный, продрогший, в деревянных башмаках на босу ногу, он шёл, глубоко задумавшись, и перед ним возникало прекрасное, обрамлённое золотыми кудрями лицо Марии с картины «Благовещение».

Нелло рос бедняком и даже не мог учиться в школе, зато природа, на счастье или несчастье, одарила его талантом. Этого никто не знал, не знал и он сам. Только Патраш, никогда не разлучавшийся с Нелло, видел, как он рисовал мелом на камнях всё, что попадалось ему на глаза, и слышал, как он, лёжа на своём сеннике, бормотал что-то о Рубенсе. Патраш видел сияющее лицо мальчика, затуманенный взор, устремлённый на заходящее или восходящее солнце. И часто слёзы, не то горькие, не то радостные, катились из ясных глаз Нелло на рыжую мохнатую морду собаки.

³ Рубенс написал эти картины на стенах Антверпенского собора в 1610 — 1611 годах.

В те времена многие художники писали картины на религиозные сюжеты.

⁴ Су — мелкая монета.

— Я умер бы спокойно, Нелло, если бы знал, что когда-нибудь ты сможешь купить эту мазанку и клочок земли, — не раз говорил мальчику дед, разбитый параличом. — Ты работал бы на себя, и соседи называли бы тебя «баас» — хозяин.

Приобрести клочок земли было мечтой каждого фламандского крестьянина-бедняка. Старый солдат Жан Даас, который в молодости скитался по всему свету и вернулся домой нищим, в старости ничего лучшего не мог пожелать своему любимцу, как пахать землю до конца дней.

Нелло ничего не отвечал. Он мечтал совсем не о том, чтобы иметь крошечный клочок земли, жить под ветхой крышей и слушать, как соседи называют его «баас». Стрельчатая башня собора, вздымавшаяся над полями в закатном небе или в тусклом свете раннего утра, говорила ему о другом. Но свои мечты по-детски, шёпотом, он поверял на ухо только Патрашу, когда они вместе шли на работу в предрассветном тумане или отдыхали на берегу, где шумел тростник. Ведь эти мечты не выразишь словами так, чтобы вызвать сочувствие у людей! Они только встревожили бы и огорчили старого Жана Дааса, неподвижно лежавшего в своём углу. Старик не видел никакой разницы между так называемой Мадонной, намалёванной синими и красными красками на стенах в лавчонке, куда он заходил иной раз выпить кружку пива, и теми знаменитыми картинами, ради которых приезжают во Фландрию люди со всех концов света.

Кроме Патраша, Нелло решался говорить о своих дерзких мечтах только с Алоизой. Это была хорошенькая двенадцатилетняя девочка с тёмными ласковыми глазами. Она жила на мельнице, старой красной мельнице на зеленом холме, а её отец, мельник, был первый богач в деревне. Алоиза дружила с Нелло и Патрашем. Они вместе резвились на полях, собирали чернику, плели венки из ромашек, а зимой бегали по снегу и частенько грелись у ярко пылающего очага в доме мельника.

Конечно, Алоиза, единственная дочка мельника, была самой богатой девочкой в деревне. На её синем саржевом платье не было ни единой дырочки, ни одной заплатки. На ярмарке ей покупали так много позолоченных орехов и леденцов, что она едва могла удержать их в руках. А в большие праздники её льняные кудри покрывал чепчик из дорогих кружев, который до неё носили её мать и бабушка.

Отец Алоизы, баас Когес, был человек не такой уж дурной, но очень упрямый. Однажды на лугу за мельницей, где только что скосили траву, он увидел свою дочь и её друзей. Алоиза сидела на свежем сене; рядом, положив голову к ней на колени, примостился Патраш.

На обоих были венки из красных маков и синих васильков. А Нелло зарисовывал их углём на гладкой сосновой дощечке.

Мельник остановился, посмотрел на изображение своей любимицы и был поражён удивительным сходством. Однако он побранил девочку за то, что она бездельничает и не помогает матери по хозяйству, и отослал её домой.

Алоиза испугалась и заплакала. Мельник повернулся к Нелло и выхватил у него из рук дощечку.

— И часто ты так балуешься? — сурово спросил он.

Мальчик опустил голову.

— Я рисую всё, что вижу, — пробормотал он.

Мельник задумался, потом достал из кармана серебряный франк и протянул его Нелло:

— Говорю тебе — балуешься и попусту теряешь время. А всё-таки эта штука похожа на Алоизу и понравится её матери. Вот тебе франк, а я возьму картинку.

Румянец сбежал с лица мальчика. Он поднял глаза на мельника и заложил руки за спину.

— Оставьте себе деньги, баас Когес, а портрет возьмите, — сказал он простодушно. — Вы часто бывали добры ко мне.

Потом он кликнул Патраша и пошёл через луг домой.

— За этот франк я мог бы «их» увидеть, — шепнул он Патрашу. — Но даже ради этого я не хочу продавать её портрет.

Возвратившись домой, Когес сказал жене:

— Пусть Алоиза больше не играет с этим мальчишкой. Чего доброго, он ещё захочет жениться на ней, когда вырастет.

— Он хороший, скромный мальчик, — сказала жена мельника, не сводя глаз с сосновой дощечки, которую мельник повесил над очагом под деревянными часами с кукушкой⁵.

— Против этого я не спору, — отозвался мельник, закуривая трубку.

— Тогда чего же беспокоиться? — робко сказала жена. — Что ж тут дурного! Денег у нас хватит на двоих, были бы только счастливы.

— Ты женщина, а потому дура! — крикнул мельник, стукнув трубкой по столу. — Мальчик — нищий, а что ещё хуже — воображает, будто он художник. Смотри, чтоб девочка больше с ним не играла, а не то я отдам её в пансион при монастыре.

Бедная женщина испугалась и обещала исполнить желание мужа. Ей жаль было разлучать девочку с любимым товарищем только потому, что он беден, но она боялась послушаться мужа. С этого дня она под разными предлогами не пускала Алоизу к Нелло. Самолюбивый мальчик обиделся и перестал ходить с Патрашем на мельницу, хотя прежде забегал туда каждую свободную минуту. Он не знал, в чём его вина, и думал, что мельник почему-то рассердился на него за портрет Алоизы.

Если девочка, скучавшая по нём, увидев его, подбегала и протягивала руку, он грустно улыбался и, заботясь о ней больше, чем о себе, говорил:

⁵ **Часы с кукушкой** — старинные часы, у которых время отбивается кукованием кукушки.

— Не надо, Алоиза, отец рассердится на тебя! Он недоволен, когда ты со мной, и не хочет, чтобы ты бездельничала. Он хороший человек и любит тебя. Не будем сердить его, Алоиза!

Однако на сердце у него было тяжело, и солнце уже не радовало его, как прежде, когда на рассвете он шёл с Патрашем по обсаженным тополями дорогам. Бывало, он по пути в город и обратно останавливался возле старой мельницы и весело здоровался с семьёй мельника. Над низкой калиткой показывалась русая головка, и маленькая рука протягивала Патрашу косточку или корку хлеба. Теперь мальчик быстро проходил мимо, а Патраш уныло смотрел на закрытую дверь. Алоиза в это время вязала что-нибудь, сидя на скамеечке у очага, и из глаз у неё капали слёзы. Баас Когес, ворочавший кули с мукой на мельнице, упрямо бормотал себе под нос:

— Так-то лучше. Парнишка — нищий, и голова у него набита дурацкими бреднями. Ещё наживёшь себе беды с ним.

А маленькая сосновая дощечка всё-таки висела над очагом в кухне, под часами с кукушкой, и мальчику порой казалось несправедливым, что его подарок приняли, а самого его и знать не хотят.

Нелло молча сносил обиду: он не привык жаловаться. Старый Жан Даас не раз говорил ему: «Мы бедняки, а у бедняков нет выбора». Мальчик почтительно слушал дедушку, но в душе у него теплилась надежда, что «бедняк тоже иногда делает выбор — он может прославиться, и тогда на него не будут смотреть свысока». И он простодушно верил в это.

Однажды Алоиза, случайно встретив его в поле у канала, горько плача, сказала, что завтра, в день её рождения, как всегда, соберутся на гумне дети из деревни, но в этом году её родители первый раз в жизни не велели приглашать его на этот праздник.

Нелло поцеловал её и уверенно ответил:

— Не всегда так будет, Алоиза. Когда-нибудь моя сосновая дощечка, которая висит у вас на камине, будет цениться на вес серебра и твой отец не захлопнет передо мной дверь. Только люби меня, милая Алоиза, люби меня, и я буду знаменитым художником.

— А если я не буду любить? — шутливо сказала девочка сквозь слёзы.

Нелло посмотрел на озарённый заходящим солнцем сверкающий шпиль собора. На лице мальчика была улыбка такая восторженная и в то же время такая печальная, что Алоиза испугалась.

— Всё равно я буду художником, — чуть слышно сказал он. — Буду знаменитым или умру, Алоиза.

Он шёл домой по меже в высокой колосившейся пшенице и видел в своих мечтах счастливый день, когда он вернётся в деревушку и родные Алоизы не прогонят его, а встретят с почётом. Соберётся народ, чтобы поглазеть на него, и крестьяне будут шептать друг Другу на ухо:

«Видите? Вот прославленный художник, его имя известно всему миру. А ведь это наш маленький Нелло. Когда-то он был бедняком и только благодаря своей собаке зарабатывал на кусок хлеба».

Нелло представил себе, как он нарядит дедушку в красный бархатный кафтан с меховой опушкой и нарисует его таким, как старик на картине Рубенса. Он закажет золотой ошейник для Патраша и, став рядом с собакой, скажет собравшимся людям: «Когда-то это был мой единственный друг!»

Потом он построит огромный мраморный дворец с прекрасным садом, обращенным в ту сторону, где возвышается шпиль собора. Сам он не станет жить в этом дворце, а поселит там бедных и одиноких юношей, которые стремятся к великим делам, и, если они будут прославлять его за это, он им скажет:

«Благодарите не меня, а Рубенса. Кем бы я был, если бы не он?»

Нелло шёл по полю, погружённый в эти прекрасные, наивные, несбыточные мечтания, полный благоговения перед великим художником, и был счастлив. Он был счастлив даже в тот печальный для него день рождения Алоизы, когда одиноко возвращался с Патрашем в маленький тёмный домишко, где не было на обед ничего, кроме ржаного хлеба. А в это время деревенские ребятишки пели и смеялись, ели большие круглые пироги и имбирные пряники, плясали при свете звёзд на гумне за мельницей под звуки скрипки и флейты.

— Не горюй, Патраш, — говорил Нелло, обнимая собаку за шею, когда они сидели вдвоём на пороге мазанки, и ночной ветер доносил к ним с мельницы весёлый смех. — Не горюй, когда-нибудь всё переменится.

Он верил в будущее. А Патраш, более опытный и рассудительный, думал, что сытный ужин на мельнице лучше, чем мечты о молоке и мёде в каком-то призрачном «когда-нибудь». И он скулил всякий раз, когда проходил мимо дома бааса Когеса.

III

— Разве сегодня не день рождения Алоизы? — спросил старый Даас.

Мальчик кивнул головой. Было бы лучше, если бы дедушка забыл об этом.

— Что же ты сидишь дома? — продолжал дед. — Ведь ты всегда ходил к ним в этот день.

— Мне не хочется оставлять тебя одного, ты ведь болен, — пробормотал мальчик, склонившись над постелью деда.

— Ну, вот ещё! Тётушка Нуллет могла бы прийти посидеть со мной. Что случилось, Нелло? — допытывался старик. — Уж не поссорился ли ты с девочкой?

— Что ты, дедушка, нет! — быстро ответил мальчик и покраснел. — Просто баас Когес не пригласил меня в этом году. Я ему почему-то не по душе.

— Уж не провинился ли ты в чём-нибудь?

— Нет как будто. Я нарисовал портрет Алоизы на сосновой дощечке, только и всего.

— А-а!

Старик умолк. По бесхитростному ответу мальчика он догадывался, в чём тут дело. Болезнь давно уже приковала его к постели из сухих листьев в углу ветхой лачуги, но он не забыл о том, что творится на белом свете. Он прижал кудрявую светловолосую голову Нелло к груди и сказал дрогнувшим голосом:

— Ты очень беден, моё дитя. Так беден! Тяжко тебе приходится.

— Я не беден, я богат, — прошептал мальчик.

Нелло верил в это. Талант — достояние более ценное, чем королевская власть. Он вышел из хижины, остановился у порога и долго смотрел на звёзды, сиявшие в осеннем небе, и высокие тополя, раскачиваемые ветром. Все окна в доме мельника были освещены, изредка доносились звуки флейты. Слезы катились по щекам Нелло — ведь он всё-таки был ещё ребёнок, — но он улыбнулся и прошептал:

— Не всегда так будет.

Когда всё стихло и стало совсем темно, он вошёл вместе с Патрашем в хижину. Они улеглись рядом и крепко уснули.

У Нелло была тайна, которую знал только Патраш. Позади лачуги стоял ветхий сарайчик, куда, кроме Нелло, никто не заглядывал. С северной стороны в сарай проникало много света. Из неотёсанных досок мальчик смастерил себе здесь что-то вроде мольберта, натянул на него серую бумагу и стал изображать одну из картин, которые возникали в его воображении.

Нелло никогда ничему не учился. Красок ему не на что было купить. Чтобы приобрести даже самые обыкновенные карандаши, он не раз отказывал себе в хлебе. И только чёрным и белым он мог зарисовывать то, что видел.

На сером листе бумаги он нарисовал мелом всего лишь одну фигуру, большую фигуру старика, сидящего на срубленном дереве. В такой позе Нелло часто видел вечерами старого дровосека Мишеля.

У мальчика не было никого, кто объяснил бы ему технику рисования, он не знал анатомии, законов перспективы⁶, и всё же он так натурально изобразил фигуру и морщинистое лицо старого дровосека, что старик, одиноко сидящий в раздумье на поваленном дереве на фоне сгущающихся сумерек, был как живой. Конечно, рисунок не был безупречен, и, наверно, в нём нашлись бы серьёзные ошибки, но он был правдив и по-своему прекрасен, верно передавая душевное состояние старика.

Каждый день, справившись со своими повседневными обязанностями, мальчик садился за мольберт, а Патраш, лёжа рядом, часами наблюдал, как он работает.

Нелло питал тайную и, может быть, несбыточную надежду отдать свой рисунок на конкурс, объявленный в Антверпене. В конкурсе мог участвовать любой одаренный юноша не старше восемнадцати лет, который представит самостоятельно сделанный рисунок мелом или карандашом. За лучший рисунок назначили премию — двести франков. Судьями выбрали трёх самых знаменитых художников города Рубенса.

Всю весну, лето и осень работал Нелло над своим рисунком. Если бы он получил премию, он мог бы учиться искусству, которое так сильно любил.

Он ничего никому не сказал. Дед не понял бы его, а с Алоизой он больше не виделся. Только Патрашу поверял он свои надежды и шептал ему на ухо:

— Рубенс дал бы мне премию. Я думаю, что дал бы, если бы увидел.

Рисунки нужно было представить первого декабря, а решение хотели объявить двадцать четвёртого, чтобы получивший премию радостно отпраздновал святки.

В морозное утро, на рассвете, Нелло, то упиваясь надеждой, то замирая от страха, положил свою большую картину на зелёную тележку и с помощью Патраша отвёз её в город. Как было указано в условиях конкурса, он оставил её у входа в общественное здание.

⁶ Умение изображать на рисунке предметы, учитывая кажущиеся изменения их величины и очертаний, когда на них смотрят на расстоянии.

«Может, мой рисунок плохой? Как я могу судить?» — думал он, оробев.

Теперь, когда он уже сдал свою работу, ему стало казаться, что слишком смело, слишком глупо надеяться на то, что он, босоногий, малограмотный мальчик, нарисовал такую картину, на которую настоящие художники согласятся хотя бы взглянуть.

Он прошёл мимо собора и немного успокоился. В сером тумане ему мерещилось величавое лицо Рубенса с ободряющей улыбкой, и ему чудилось, будто он слышит слова: «Будь мужествен! Если бы я падал духом и терял веру в себя, я не прославил бы своё имя в веках».

В тот год зима была очень суровой. Вечером, когда Нелло с Патрашем уже вернулись из города, началась вьюга, а потом снег валил не переставая, день за днем. Замело все дороги, ручьи покрылись толстым льдом, мороз крепчал над полями. Обходить соседей по утрам, когда было ещё совсем темно, и везти молоко в темноте в спящий город становилось всё труднее.

Особенно тяжело приходилось Патрашу. Нелло с годами вырос и возмужал, а пёс от старости едва волочил ноги. Но он ни за что не хотел бросить работу и позволял Нелло только подталкивать тележку, едва двигавшуюся по обледелым дорогам.

Он стал плохо видеть, с трудом поднимался со своей соломенной подстилки, но он всё-таки поднимался, как только часы на башне били пять, и надо было начинать трудовой день.

— Останься дома, Патраш. Пора уж тебе на отдых. Я и сам дотащу тележку, — не раз говорил ему Нелло.

Однако Патраш упрямо каждое утро занимал привычное место между оглоблями и плёлся по заснеженным полям, на которых его лапы оставляли следы уже много лет подряд.

— Бедняжка Патраш, скоро мы с тобой будем лежать в земле, — сказал однажды старый Жан Даас, протягивая худую, сморщенную руку, чтобы погладить собаку. «Кто позаботится о мальчике, когда нас не будет?» — подумал он.

Однажды, возвращаясь с Патрашем из Антверпена по занесённому снегом полю, твёрдому и гладкому, как мрамор, Нелло нашёл на дороге красивую куколку величиною с ладонь — клоуна в красном костюмчике, с золотым галуном и тамбурином в руке. Игрушка была совсем новенькая. Нелло не знал, кто её потерял. Он подумал, что она понравится Алоизе.

Было уже совсем темно, когда он поравнялся с домом мельника. Он взглянул на окошко в комнате Алоизы, и у него мелькнула мысль: «Что, если отдать ей игрушку? Что ж тут плохого? Ведь мы столько лет дружили».

Под окном был покатый навес. Нелло взобрался на него и тихонько постучал в оконный переплёт. В комнате горела лампа. Девочка открыла окошко и выглянула. Нелло протянул ей клоуна.

— Вот тебе игрушка, которую я нашёл на снегу, — шепнул он. — Возьми её на память, Алоиза.

Он соскочил с навеса так быстро, что девочка даже не успела поблагодарить его, и скрылся в темноте.

Ночью за мельницей вспыхнул пожар. Сгорели амбары и много зерна, но мельница и жилой дом уцелели. В деревне поднялась тревога, из Антверпена примчались пожарные машины. Имущество мельника было застраховано, и он не понёс убытков, однако он выходил из себя и всё говорил, что пожар начался не случайно и что, конечно, это поджог.

Проснувшись ночью, Нелло вместе с соседями побежал тушить пожар. Баас Когес прогнал его.

— Ты шатался по двору, когда стемнело! — сердито кричал он. — Уж ты-то, наверно, знаешь, откуда взялся огонь!

Нелло от изумления не нашёлся, что ответить. Он и представить себе не мог, что эти слова сказаны всерьёз, и в то же время не понимал, как можно в такую минуту шутить. Мельник и на следующий день говорил соседям о своих подозрениях. И, хотя никаких улик против мальчика не было, распространился слух, что его видели вечером во дворе мельника и что он злится на Когеса, запретившего ему играть с Алоизой. Угождая деревенскому богачу, соседи стали косо смотреть на внука Жана Дааса и холодно обходиться с ним. Открыто никто его не обвинял, однако все поддерживали мельника.

Прежде, когда Нелло и Патраш заходили в крестьянские домишки и фермы за молоком для Антверпена, их встречали приветливыми улыбками и ласковыми словами. Теперь в их сторону даже не смотрели и не разговаривали с ними. Никто не разделял нелепых подозрений мельника, но жители деревушки были бедны и боялись навлечь на себя немилость местного богача, от которого зависели. Простодушный одинокий Нелло, конечно, не мог тягаться с богачом.

— Ты несправедлив к мальчику, — осмелилась как-то сказать мельнику его жена. — Он хороший, честный мальчик и даже со зла не мог бы сделать такую пакость.

Но баас Когес был человек упрямый и, хотя в душе признавал, что поступил дурно, ни за что не хотел в этом признаться.

Нелло переносил обиду с горделивым спокойствием. Только наедине с Патрашем он не скрывал своего огорчения. А иногда он утешал себя мыслью: «Если я получу премию, они, может быть, пожалеют, что были так жестоки».

Но мальчику шёл уже шестнадцатый год, он всю свою короткую жизнь прожил в этой маленькой деревушке, где все его любили, и теперь он страдал от того, что соседи от него отвернулись. Особенно тяжело было ему в суровую снежную зиму, когда он мог найти свет и тепло только у соседского очага и в ласковых, дружеских словах. Зимой все стремились быть ближе друг к другу, только Нелло и Патраш были предоставлены самим себе. Не раз они с больным стариком сидели в своей лачуге без огня, а порой и без хлеба. А тут появился какой-то предприимчивый человек из Антверпена и предложил фермерам возить молоко в город на телеге, запряжённой мулом. Только три-четыре семьи, считая, что он берёт слишком дорого, остались верны маленькой зелёной тележке. Теперь груз, который возил Патраш, стал совсем лёгким, а заработок Нелло совсем ничтожным.

Патраш по привычке останавливался возле каждого знакомого дома и выжидательно смотрел на ворота. Но соседи, хотя и с сожалением, закрывали свои двери и сердца — они хотели угодить баасу Когесу. И Патраш уныло тащил порожнюю тележку дальше.

Скоро и святки. Снежные сугробы выросли почти с человеческий рост, а лёд был таким крепким, что в любом месте мог выдержать и людей, и волов. В эту пору в деревне всегда было шумно и весело. Даже в самых бедных домишках пекли пироги, плясали, балагурили. Весело звенели колокольчики на сбруях лошадей, повсюду в очагах дымились полные доверху котлы с супом.

Только в одной лачуге было темно и очень холодно.

Нелло и Патраш остались совсем одни. За неделю до святок умер старый Жан Даас. Его давно уже разбил паралич, он еле шевелил руками и едва мог слабым голосом сказать несколько ласковых слов. Дедушка тихо скончался во сне, и на рассвете зимнего утра, когда они узнали о своей утрате, им казалось, что они одни в целом мире. Он был бедный, немощный старик и ничем не мог помочь им, но он их любил и всегда встречал улыбкой.

В снежный зимний день Нелло и Патраш шли за гробом старика. Никто больше не провожал его на кладбище — только юный внук и старая собака.

«Теперь он, наверно, смягчится и позволит горемыке приходить к нам», — думала мельничиха, поглядывая на мужа, который, сидя у очага, курил трубку.

Когес догадывался, о чём она думает, но он ожесточил своё сердце и не открыл дверь, когда жалкая похоронная процессия проходила мимо.

«Мальчик — нищий, — сказал он про себя, — незачем Алоизе водить с ним знакомство».

Жена не смела возражать. Однако после похорон, когда Нелло и Патраш прошли мимо их дома, она послала Алоизу положить маленький венок из бессмертников на свежий могильный холмик, ещё не занесённый снегом.

Нелло и Патраш с тяжёлым сердцем возвращались домой. Даже этого убогого, унылого жилья они должны были лишиться. Нелло целый месяц не вносил арендную плату за домишко, и, когда расплатился за похороны, у него не осталось ни одной монетки. Он пошёл просить отсрочки у хозяина лачуги, сапожника, который был приятелем Когеса. Но от хозяина нечего было ждать сострадания. Это был жестокий и жадный человек. Он вынес из мазанки всё, что там было, до последней ложки и плошки, а Нелло и Патрашу велел убираться подобру-поздорову на следующее утро. Как ни убог был их дом, они его любили. Они были счастливы здесь. А летом, увитый виноградом и цветущей фасолью, он казался таким красивым среди освещенных солнцем полей.

Настал канун рождества. Нелло поднялся на заре и крепко обнял своего единственного друга. Горючие слёзы закатали на голову верного Патраша.

— Пойдём, Патраш! Пойдём, милый! — шептал он. — Не будем ждать, пока нас выгонят отсюда. Пойдём!

Патраш послушно поднялся, и они вместе вышли из лачуги. Проходя мимо зелёной тележки, Нелло грустно опустил голову. Тележка больше не принадлежала ему — хозяин взял её в уплату за долг: на снегу валялась упряжь Патраша с медными бубенчиками.

Они пошли по знакомой дороге в Антверпен. Едва брезжил утренний свет, ставни почти везде были закрыты, но кое-кто в деревне уже встал. У одной открытой двери Нелло остановился: дедушка не раз оказывал услуги семье, которая жила в этом доме.

— Не дадите ли вы Патрашу корочку хлеба? — робко спросил мальчик. — Он стар и со вчерашнего дня ничего не ел.

Хозяйка быстро захлопнула дверь, пробормотав, что в этом году рожь очень вздорожала. Нелло и Патраш устало поплелись дальше и больше нигде не останавливались. С трудом добрались они до Антверпена, когда часы на городской башне пробили десять.

«Если бы у меня было хоть что-нибудь, что можно продать, я купил бы кусок хлеба для Патраша», — думал Нелло. Но, кроме фуфайки и штанов на теле да деревянных башмаков на ногах, у него ничего не было. Патраш, словно поняв, чем он озабочен, ткнулся носом в ладонь мальчика.

В полдень должны были объявить, кто получил премию за лучший рисунок. Нелло направился к дому, где оставил своё сокровище. На ступеньках, у входа и в передней толпились юноши — иные его лет, другие постарше, и все со своими родителями, родственниками или друзьями. Сердце Нелло сжалось от страха, когда он вместе с Патрашем вmeshался в эту толпу.

Городские часы гулко пробили двенадцать. Дверь в зал открылась, и нетерпеливая, взволнованная толпа ринулась вперёд. Все знали, что рисунок, получивший премию, будет выставлен на высоком помосте.

Глаза Нелло заволокло туманом, у него кружилась голова, подкашивались ноги. Потом взор его прояснился, и он увидел поднятый высоко мольберт, но на нём был не его рисунок. Чей-то звучный голос торжественно объявил, что премия присуждена уроженцу города Антверпена Стефану Кислингеру, сыну владельца пристани.

Когда к Нелло вернулось сознание, он увидел, что лежит на мостовой, а Патраш всеми силами старается привести его в чувство. Немного поодаль толпа антверпенских юношей окружила своего удачливого товарища, и все с весёлыми возгласами пошли провожать его домой, на набережную.

Нелло, шатаясь, встал и крепко обнял собаку.

— Всё кончено, милый Патраш, — прошептал он. — Всё кончено.

Нелло старался подбодрить себя как мог, но он ослабел от голода и насилу шёл обратно в деревню. Патраш ковылял рядом, опустив голову, едва держась на ногах.

Началась метель. С севера подул резкий ветер. Стужа пронизывала насквозь. Много времени понадобилось им, чтобы пройти хорошо знакомый путь через поле, и часы уже пробили четыре, когда показалась деревня.

Вдруг Патраш остановился и стал обнюхивать снег. Повизгивая, он принялся его рыть и вытащил зубами из сугроба коричневый кожаный бумажник. В темноте он подал его мальчику.

У придорожного креста тускло горела лампада. Нелло машинально поднёс бумажник к свету и прочёл фамилию: «Когес». В бумажнике было много денег. Находка вывела мальчика из оцепенения. Он положил кошелёк за пазуху, погладил Патраша и потащил вперёд. Патраш недоуменно посмотрел ему в лицо.

Нелло направился к дому мельника и, остановившись перед входной дверью, громко постучался. Ему открыла жена мельника. Она плакала. Испуганная Алоиза цеплялась за её юбку.

— Это ты, бедняжка? — ласково сказала женщина сквозь слёзы. — Уходи, милый, пока тебя не увидел хозяин. У нас беда случилась: он потерял по дороге домой большие деньги и теперь пошёл их искать. Да разве он найдёт по такому снегу! А для нас это разорение.

Нелло протянул ей бумажник и позвал Патраша в дом.

— Патраш только что нашёл эти деньги, — быстро сказал он. — Скажите это баасу Когесу. Наверно, он не откажется приютить и кормить старую собаку. Не пускайте Патраша за мною и будьте, пожалуйста, с ним ласковы.

Они не успели опомниться, как Нелло нагнулся, поцеловал Патраша, поспешно закрыл за собой дверь и исчез в темноте.

Мать и девочка не находили слов от изумления и радости. Патраш яростно толкал и царапал запёртую на засов дубовую дверь. Они не решились отодвинуть засов, чтобы собака не убежала, и старались как могли успокоить её. Они принесли сладкий пирог и сочное мясо, угощали самым лучшим, что было в доме. Но напрасно: Патраш не притрагивался к еде и не отходил от запёртой двери.

Часов в шесть через чёрный ход вошёл мельник. Лицо его было серым от усталости и огорчения.

— Больше надеяться не на что, — сказал он убитым голосом. — Мы обошли всё кругом с фонарями, искали повсюду, но так и не нашли.

Жена протянула Когесу бумажник и рассказала, как он сюда попал. Мельник опустил на стул и закрыл лицо руками.

— Я жестоко поступил с мальчиком, — сказал он наконец.

— Нелло может опять приходить к нам? — набравшись смелости, прошептала Алоиза. — Мы позовём его?

— Хорошо, дорогая, — ответил мельник. — Мы позовём его завтра.

Был канун рождества. В доме мельника всего вдоволь: дров и торфа, сливок и мёда, мяса и хлеба; со стропил свешиваются гирлянды из хвои, часы с кукушкой увиты зеленью. А для Алоизы развесили бумажные фонарики, купили ей всяких игрушек и конфет в пёстрых бумажках с картинками. Везде тепло и светло, и девочка с радостью приняла бы Патраша, как желанного гостя. Но без Нелло ему не нужно было ни еды, ни тепла. Его ничем не могли соблазнить. Патраш не отходил от двери и, видимо, только и ждал случая, чтобы убежать.

— Он хочет к Нелло, — сказал баас Когес. — Славный пёс, славный. Завтра утром я пойду к мальчику.

Когда подали дымящийся суп, и за столом стало шумно и весело, вошёл какой-то беспечный гость и не закрыл за собою дверь. Патраш выскочил и побежал по снегу во мрак и стужу так быстро, как только позволяли его старые, усталые ноги. Он хотел одного — быть с Нелло. Снегопад не прекращался весь вечер, а теперь было уже около десяти часов, и следы мальчика замело снегом. Патраш долго обнюхивал снег, пока напал на след, но вскоре потерял его, и пришлось искать снова; так повторялось много-много раз. Дороги обледенели, густая тьма окутала деревушку.

Кругом не было ни одной живой души. Скотину загнали в хлев; в каждом доме, в каждой хижине люди веселились за праздничным столом. Один только старый, больной Патраш брёл по дорогам в лютую стужу.

Едва уловимые следы Нелло вели по знакомому пути — в Антверпен. После полуночи Патраш добрался до узких, кривых улочек пригорода. Было совсем темно. Лишь кое-где сквозь щели в ставнях пробивался слабый огонёк или какие-нибудь пьяные гуляки, возвращаясь домой, освещали себе путь карманными фонарями. На запорошённых снегом улицах чернели высокие стены и крыши домов. Завывал ветер, скрипели и раскачивались вывески над лавками, дрожали высокие железные столбы фонарей.

В этот вечер толпы людей прошли по снегу, множество следов скрещивалось и перекрещивалось, и Патрашу было очень трудно держаться следов Нелло. Холод пронизывал до костей, осколки льда врезались в лапы, его мучил нестерпимый голод. Однако Патраш не отступился и терпеливо шёл по следам Нелло, пока наконец они не привели его к ступеням большого собора.

Сторож, торопясь домой после вечерней службы, забыл запереть одну из дверей собора, и она оказалась приотворенной. Следы, которые искал Патраш, белыми пятнами выделялись на тёмном каменном полу внутри здания. Среди глубокой тишины огромного сводчатого тёмного собора Патраш дошёл по этой снежной дорожке до алтаря. Здесь он нашёл распростёртого на полу Нелло. Он подполз к нему и лизнул в лицо. Казалось, он хотел сказать: «Неужели ты думал, что я покину тебя? Я — собака!».

Нелло вскрикнул, приподнялся и обнял Патраша.

— Ложись, Патраш, — прошептал он. — Мы умрём вместе. Людям мы не нужны. Нет у нас с тобой никого на свете.

Патраш подполз ещё ближе и положил голову на грудь Нелло. Крупные слёзы стояли в тёмных печальных глазах мальчика. Порывы ветра с Северного моря были подобны ледяным волнам, замораживающим все живое. В огромном нетопленном каменном здании было ещё холоднее, чем в занесённых снегом полях. Под тёмными сводами шуршали летучие мыши. Иногда тонкий луч луны освещал ряды высеченных из камня фигур. Нелло и Патраш лежали под картинами Рубенса очень тихо, крепко прижавшись друг к другу, цепenea от холода. Мысленно они уносились к тем далёким дням, когда бегали взапуски по цветущему лугу или, спрятавшись в высоком камыше, следили за лодками, плывшими к морю.

Внезапно какое-то сияние прорезало тьму. Луна прорвалась сквозь облака; отражённый от снега свет был ясен, как свет утренней зари.

На мгновение можно было отчётливо увидеть написанные на стенах замечательные картины «Воздвижение креста» и «Снятие со креста», с которых мальчик, войдя в собор, сдёрнул покрывала. Нелло вскочил. Слёзы восторга катились по его бледным щекам.

— Наконец-то я их увидел! — воскликнул он. — Наконец-то!

Ноги его подкосились, и он упал на колени, не сводя глаз с великих творений Рубенса, которые так мечтал увидеть. Но луна скрылась за облаками, и снова все погрузилось во тьму. Нелло крепче обнял Патраша.

— Нас с тобой никто не разлучит, — прошептал он.

На следующий день их обоих нашли замёрзшими на каменном полу собора. Покрывала были сдёрнуты с прекрасных картин Рубенса, и на них падали лучи восходящего солнца. Около замёрзших друзей собралась толпа. Утром рано пришёл пожилой, с грубыми чертами лица человек. Он плакал, как женщина, и бормотал:

— Я жестоко поступил с мальчиком!

Потом пришёл один знаменитый художник, и люди расступились, пропуская его вперёд.

— Я ищу здесь того, кто по справедливости должен был вчера получить премию, — мальчика исключительно одарённого. На его рисунке всего лишь одна фигура — старый дровосек, сидящий в сумерках на сваленном дереве. Но это сделано на редкость талантливо. Я должен найти его. Я возьму его к себе, чтобы обучить живописи.

Прижавшись к отцу, плакала навзрыд златокудрая девочка.

— О Нелло, встань, Нелло! Пойдём с нами. Мама ждёт тебя. Мы приготовили тебе подарки, старик будет играть для нас на волынке⁷. А как счастлив будет Патраш! О Нелло, встань!

Но застывшие в улыбке уста на бледном юном лице, обращенном к великим творениям Рубенса, казалось, говорили: «Слишком поздно». Нелло и Патрашу не нужны были благодетеля.

⁷ **Волынка** — народный духовой музыкальный инструмент. Он состоит из нескольких трубок или рожков, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через который вдувается воздух.

Мальчик и собака прожили всю жизнь вместе, и их нельзя было разлучить после смерти — руки мальчика слишком крепко обхватили шею собаки. Жители родной деревушки похоронили их в одной могиле.

Уйда (Мари Луиз де ла Рами), 1872

Нелло и Патраш. Степь. Рассказы. Перевод с английского Э. Березиной, илл. Д.С. Хайкина. М.: «Детская литература», 1978 г., 64 стр. (Школьная библиотека)